

Фаворитка Наполеона

М.: ММП "Дайджест", 1992

I

В большой комнате одного из великолепных особняков на Вандомской площади, где обычно селились знатные иностранцы, в большом кресле у высокого окна сидела в глубокой задумчивости молодая белокурая женщина. На ковре, в нескольких шагах от нее, играл ребенок лет шести-семи.

Взгляд матери обращался то на ребенка, то на площадь, где возвышалась гигантская колонна Великой армии. На ней еще висели обрывки канатов, которые должны были снести статую Наполеона и колонну на глазах торжествующих союзников. Маленькая статуэтка Победы в левой руке императора была уничтожена, но сама статуя устояла: свалить ее не удалось.

Молодая женщина, вздыхая, припомнила все подробности ужасного дня 31 марта 1814 года, когда союзники вступили в Париж благодаря помощи изменников.

В продолжение всего утра граф Мобрейль со своими друзьями разъезжал верхом по Вандомской площади, повсюду прикрепляя и раздавая народу вместе с деньгами белые кокарды, а также подбивая уличных зевак кричать вместе с ним: "Долой тирана! Да здравствует король! Да здравствуют Бурбоны! Да здравствуют союзники!"

Затем с торжественной музыкой, при громких криках толпы, на площади появился блистающий кортеж победителей, во главе которого были император Александр, король прусский, князь Шварценберг, генерал Платов, лорд Каткерт, сэр Чарльз Стюарт. Шествие прошло мимо колонны как мимо мрачного памятника погибшей славы и вернулось на Елисейские поля, где состоялся смотр сорокапятитысячного войска победителей.

На Вандомской площади остались только безобидные зеваки, не сожалевшие об империи, но и не желавшие Бурбонов; они равнодушно смотрели на разрушение, устроенное Мобрейлем и его сообщниками.

Целый день Мобрейль ездил по бульварам Парижа, привязав к хвосту лошади и влача в пыли крест Почетного легиона, пожалованный ему императором Наполеоном. Он сошел с коня около статуи в то время, когда ее обвили канатами.

Прошла ночь, но разрушить Вандомскую колонну не удалось. Мобрейль заплатил людям и отпустил их, ворча по поводу безуспешности их усилий.

- Если статуя устояла на месте, то уж человека-то, конечно, легче будет свергнуть, - проговорил он.

Молодая женщина из окна следила за всеми этими перипетиями, и, когда Мобрейль удалился, она с облегчением вздохнула: ей казалось, что эта неудавшаяся попытка свергнуть статую Наполеона была хорошим предзнаменованием.

В этот холодный и светлый апрельский день, вспоминая незабываемую сцену вступления союзных войск в Париж и усилия Мобрейля свергнуть статую того, кто и теперь, низверженный изменниками, казался непобедимым, она обратилась к ребенку, склонившемуся над игрушечными солдатиками на ковре, и тихо позвала его:

- Наполеон!

Ребенок поднял голову и, бросив поле сражения, поспешил к матери.

Она нежно прижала к груди его кудрявую головку и, целуя ребенка, шептала тихие слова; они, казалось, были понятны мальчику, но отвечать на них он не умел.

- Что он делает теперь? Какие новые страдания и опасности грозят ему? Может быть, его убили? - сказала молодая женщина. - Если бы я была около него, я отвела бы кинжал убийц от его груди, я успокоила бы его... Может быть, мое присутствие смягчило бы горечь ожидающего его изгнания... Но он не хочет утешений, не хочет защиты. В Фонтенбло, в ту ужасную ночь, когда он хотел покончить с жизнью, он не позвал меня, не разрешил разделить с ним яд и уснуть навеки в его объятиях. Если бы я